

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра международных отношений
и внешней политики России

**Отношения президентов В. В. Путина и Дж. Буша-младшего в контексте
российско-американского межгосударственного взаимодействия**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ
студента 4 курса 441 группы
направления 41.03.05 «Международные отношения»
Института истории и международных отношений

Боболович Кристины Владимировны

Научный руководитель
профессор,
доктор исторических наук

_____
подпись, дата

С.Ю. Шенин

Зав. кафедрой
профессор,
доктор исторических наук

_____
подпись, дата

Ю.Г. Голуб

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования. В современной системе международных отношений персональный фактор традиционно рассматривается как один из ключевых элементов, способных модифицировать траекторию межгосударственного диалога даже в условиях жёстких структурных ограничений. Особую научную и политическую значимость приобретает изучение динамики российско-американских отношений в период 2001–2008 годов, когда взаимодействие президентов В.В. Путина и Дж. Буша-младшего прошло полный цикл: от формирования интуитивного взаимного доверия и оперативного сотрудничества в условиях экзистенциального кризиса до институционализации разногласий и перехода к парадигме геополитического соперничества. Анализ того, как первоначальный персональный раппорт трансформировался в системное противостояние, позволяет выявить устойчивые паттерны взаимодействия, актуальные для выстраивания коммуникационных стратегий в условиях многополярности и фрагментации международных институтов.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблематика российско-американских отношений начала 2000-х годов получила широкое отражение в отечественной и зарубежной научной литературе. Для целей данного исследования источники структурированы по трем основаниям: географическому (российские и западные исследователи), теоретическому (представители различных школ ТМО) и тематическому (работы, непосредственно анализирующие период 2001–2008 гг.). В отечественной историографии особое значение имеют труды А.В. Торкунова¹, А.П. Цыганкова², А.В. Картунова³ и О.К. Рыбалко⁴. Среди

---

¹ Торкунов А.В. Современная международная система и Россия: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 189–212.

² Цыганков А.П. Теория международных отношений: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2007. С. 345–367.

³ Картунов А.В. Мюнхен-2007: поворотный момент в восприятии России // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. С. 23–38.

⁴ Рыбалко О.К. Фактор персональной дипломатии в американо-российских отношениях 2001–2008 гг.: Дж. Буш-мл. и В.В. Путин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 45–53.

зарубежных исследователей выделяются работы А. Стент⁵, С. Тэлботта⁶, Р. Джервиса⁷ и Ф. Закарий⁸.

Объектом исследования являются российско-американские межгосударственные отношения в период 2001–2008 годов.

Предметом исследования является динамика, механизмы и пределы влияния персонального взаимодействия президентов В.В. Путина и Дж. Буша-младшего на траекторию двустороннего диалога в условиях нарастания структурных противоречий.

Цель исследования состоит в комплексном анализе влияния персонального фактора на динамику российско-американских отношений в период президентства В.В. Путина и Дж. Буша-младшего.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи, строго соответствующие структуре основной части ВКР:

1. Реконструировать психологические портреты В.В. Путина и Дж. Буша-младшего и проанализировать механизмы формирования первоначального взаимовосприятия (параграф 1.1).
2. Проанализировать роль кризисных ситуаций (теракты 11 сентября 2001 года) в сближении позиций Москвы и Вашингтона (параграф 1.2).
3. Выявить механизмы эрозии персонального доверия на примере иракского кризиса 2003–2004 годов (параграф 1.3).
4. Исследовать влияние системных вызовов (расширение НАТО, «цветные революции») на динамику персонального взаимодействия (параграф 2.1).

---

⁵ Стент А. Пределы партнёрства: российско-американские отношения в XXI веке / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2016. С. 112–145.

⁶ Тэлботт С. «Русская рука»: Мемуары о президентской дипломатии / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 201–234.

⁷ Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 56–89.

⁸ Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton & Company, 2008. P. 78–102.

5. Проанализировать мюнхенскую речь В.В. Путина как концептуальное оформление новой парадигмы российско-американских отношений (параграф 2.2).
6. Оценить пределы эффективности «дипломатии лидеров» в контексте системного кризиса отношений 2008 года (параграф 2.3).

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 2001 по 2008 год. Нижняя граница обусловлена инаугурацией Дж. Буша-младшего и первой личной встречей с В.В. Путиным в Любляне (июнь 2001 г.), которая заложила базовый уровень персонального доверия. Верхняя граница определяется завершением президентских сроков обоих лидеров и грузинским конфликтом в августе 2008 года, который стал кульминацией системного кризиса и продемонстрировал окончательное исчерпание компенсаторной функции персонального взаимодействия.

Источниковая база. Изучая данную тему, приходится опираться на различные источники. Важным источником стали официальные выступления, резолюции Совета Безопасности ООН⁹ (1368, 1441, 1973), совместные заявления президентов, стратегии национальной безопасности США, концепции внешней политики РФ. Источники личного происхождения: мемуары участников событий (Дж. Буш-мл., К. Райс, И.С. Иванов, Ю.В. Ушаков), материалы проекта устной истории Центра президентской истории Южного методистского университета, стенограммы неформальных бесед.¹⁰

Методологическим фундаментом исследования выступили принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма обеспечивает изучение событий в хронологической последовательности и в

---

⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН 1441 (2002) от 8 ноября 2002 года [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1441\(2002\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1441(2002)) (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁰ U.S.-Russian Relations under Bush and Putin: An Oral History [Электронный ресурс] // Center for Presidential History, Southern Methodist University. Режим доступа: <https://www.smu.edu/dedman/research/institutes-and-centers/center-for-presidential-history/cmp/us-russian-relations-under-bush-and-putin> (дата обращения: 20.04.2026).

привязке к конкретному политическому контексту. Принцип объективности гарантирует анализ внешнеполитических процессов вне идеологических установок, с учётом позиций всех сторон. Принцип системности позволяет рассматривать двусторонние отношения как элемент более широкой международной системы, где изменение одного параметра (например, расширение НАТО) влияет на другие (ПРО, региональная безопасность). На уровне конкретно-научных методов применяется синтез подходов политической психологии (для реконструкции профилей лидеров и когнитивных фильтров), неоклассического реализма (для увязки личных решений с внутривнутриполитическими и системными ограничениями) и теории персональной дипломатии (для анализа механизмов личного взаимодействия). Также используются сравнительно-исторический и историко-генетический методы (для выявления эволюции доверия), контент-анализ и дискурс-анализ (для работы с текстовыми источниками и риторикой).

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения из двух глав **«СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЖ. БУША-МЛАДШЕГО И В.В. ПУТИНА: ОТ ДОВЕРИЯ К РАЗОЧАРОВАНИЮ (2001–2004)»** и **«ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (2005–2008)»**, в каждой из которых по два параграфа, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ. Параграф 1.1

«Психологические портреты лидеров и формирование первоначального взаимовосприятия» Изучение российско-американских отношений начала 2000-х годов невозможно ограничить лишь анализом институциональных факторов. Психологический профиль Дж. Буша-младшего характеризуется опорой на интуицию, первое впечатление и глубокую религиозность, формировавшую бинарное восприятие мира через категории «добра и зла». Его знаменитая фраза после встречи в Любляне — «Я посмотрел этому человеку в глаза» — стала эвристическим механизмом, через который интерпретировались последующие действия партнёра. Психологический профиль В.В. Путина, напротив, формировался под влиянием службы в КГБ и опыта работы в администрации Санкт-Петербурга, что выработало привычку к контролю информации, тщательной подготовке решений и прагматичному расчёту. Сравнительный анализ позволил сделать вывод, что при различии стилей (интуитивно-моральный у Буша, прагматико-реалистический у Путина) в Любляне был сформирован базовый уровень личного доверия, создавший потенциал для оперативного сотрудничества, однако первоначальные ожидания сторон оказались завышенными: Буш надеялся на трансформацию России, а Путин стремился к признанию равноправного статуса.

Параграф 1.2 **«Кризис как катализатор сближения: анализ российско-американских отношений в сентябре–декабре 2001 года».** Администрация Терракты 11 сентября 2001 года стали показательным примером того, как в условиях острого кризиса личностные факторы выходят на первый план. Первым мировым лидером, установившим контакт с Дж. Бушем после атак, стал В.В. Путин. Москва предложила конкретные меры поддержки: разведывательную информацию о талибах и «Аль-Каиде», согласие на использование воздушного пространства, содействие в убеждении государств Центральной Азии предоставить военные базы. Мотивация Путина включала легитимизацию российских действий в Чечне,

надежду на экономические дивиденды и расчет на учёт российских интересов по ключевым вопросам безопасности. Буш, в свою очередь, воспринял поддержку Путина не просто как официальный жест, а как проявление личной солидарности, что усилило его готовность к взаимным уступкам. Совместное заявление от 13 ноября 2001 года зафиксировало новый уровень двустороннего взаимодействия, однако структурные противоречия сохранялись.

Параграф 1.3 **«Иракский кризис (2003–2004) как катализатор расхождения»**. Иракский кризис стал первым масштабным испытанием для «дипломатии лидеров». Резолюция СБ ООН 1441 выявила дивергенцию в интерпретации: США и Великобритания акцентировали «серьёзные последствия», а Франция, Россия и Китай настаивали на отдельной резолюции для санкционирования силы. Фундаментальные расхождения в понимании легитимности применения силы, роли международных институтов и природы государственного суверенитета не могли быть преодолены за счёт личного взаимопонимания. Превентивная доктрина администрации Буша (Стратегия национальной безопасности 2002 г.) и суверенитетно-балансировочная позиция России создали непримиримую конфигурацию интересов. Иракский кризис не просто выявил различия, но выступил катализатором их углубления, закрепив тенденцию к селективной коалиционности и эрозии нормативной предсказуемости.

Параграф 2.1 **«Расширение НАТО и «цветные революции»: системные вызовы персональному партнёрству»**. Вторым раунд расширения НАТО (2004 г.) с присоединением семи государств, включая страны Балтии, воспринимался Москвой как стратегический вызов, подрывающий баланс сил. Американская аргументация базировалась на «суверенном праве» государств выбирать союзы. События «Революции роз» в Грузии (2003 г.) и «Оранжевой революции» на Украине (2004 г.) стали следующим испытанием: Москва видела в них внешнее вмешательство, а Вашингтон — поддержку демократических устремлений. Персональное

взаимодействие в этот период выполняло функцию «предохранительного клапана», но способность доверия компенсировать структурные противоречия постепенно исчерпывалась. Как показывает исследование, системное давление (институциональная инерция, динамика общественного мнения, региональные кризисы) ограничивало пространство для манёвра лидеров.

Параграф 2.2 **«Мюнхенская речь как смена парадигмы: от стратегического диалога к геополитическому соперничеству»**. Выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 года стало концептуальным оформлением перехода к новой парадигме. В условиях, когда российско-американские отношения уже переживали нарастающую напряжённость из-за расширения НАТО, «цветных революций» и планов США по развёртыванию ПРО в Польше и Чехии, мюнхенская речь обозначила фундаментальный пересмотр Москвой подходов к взаимодействию с Западом. Ключевые блоки аргументации включали критику однополярной модели, неприятие одностороннего применения силы без мандата СБ ООН и призыв к реформированию международных институтов. Реакция западных партнёров была преимущественно негативной, однако в экспертных кругах быстро возобладало понимание, что речь отражает системные изменения в российском восприятии международной среды. Мюнхенская речь ознаменовала переход от парадигмы стратегического диалога к парадигме геополитического соперничества.

Параграф 2.3 **«Итоги и пределы «дипломатии лидеров» в контексте системного кризиса отношений 2008 года»**. События 2008 года — Бухарестский саммит НАТО (апрель), провозглашение независимости Косово (февраль) и августовский конфликт в Южной Осетии и Абхазии — стали кульминацией системного кризиса. На Бухарестском саммите, несмотря на отсутствие консенсуса по Плану действий по членству для Грузии и Украины, итоговая декларация содержала формулировку, что они

«станут членами НАТО», что Москва расценила как экзистенциальную угрозу. Конфликт в Грузии в августе 2008 года продемонстрировал окончательное исчерпание компенсаторной функции персонального доверия. Даже сохранявшийся канал прямой коммуникации между Путиным и Бушем не смог предотвратить эскалацию, поскольку структурные противоречия достигли критической массы. Эрозия персонального доверия, как показывает исследование, не означала полного разрыва диалога, но изменила его характер: с презумпции сотрудничества на управление конфликтами и минимизацию ущерба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать эволюцию российско-американских отношений в период президентства В.В. Путина и Дж. Буша-младшего (2001–2008 гг.) через призму персонального взаимодействия двух лидеров. Анализ первого этапа показал, что первоначальное сближение базировалось на сочетании субъективных и объективных факторов, однако уже в 2001 году обозначились пределы персонального фактора: поддержка США в Афганистане не сопровождалась встречными уступками по ключевым для Москвы вопросам. Иракский кризис продемонстрировал, что фундаментальные расхождения в понимании легитимности применения силы не могли быть преодолены за счёт личного взаимопонимания. Расширение НАТО и «цветные революции» создали системные вызовы, постепенно эродировавшие атмосферу доверия. Мюнхенская речь В.В. Путина (2007 г.) стала концептуальным оформлением перехода от стратегического диалога к геополитическому соперничеству, а августовский конфликт 2008 года — кульминацией этого процесса, продемонстрировавшей, что даже сохраняющийся канал прямой коммуникации не способен компенсировать структурные противоречия.

Сравнительный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, персональное доверие между лидерами является важным, но ограниченным ресурсом: на начальном этапе оно снижает трансакционные

издержки, но в условиях нарастания структурных противоречий его компенсаторная способность исчерпывается. Во-вторых, эффективность персонального взаимодействия зависит не столько от индивидуальных характеристик лидеров, сколько от более широкого контекста: баланса сил, внутривнутриполитической динамики и наличия институциональных каналов коммуникации. В-третьих, когнитивная асимметрия в интерпретации событий представляет собой устойчивый фактор, осложняющий диалог даже при наличии личного доверия. В-четвёртых, смена парадигм в межгосударственных отношениях носит объективный характер и не может быть сведена к субъективным предпочтениям лидеров.

Таким образом, цель исследования достигнута, поставленные задачи решены. Полученные результаты вносят вклад в понимание пределов «дипломатии лидеров» и могут служить основой для дальнейших исследований в области политической психологии и теории международных отношений.